

ВОЛЧИЙ ПАСПОРТ

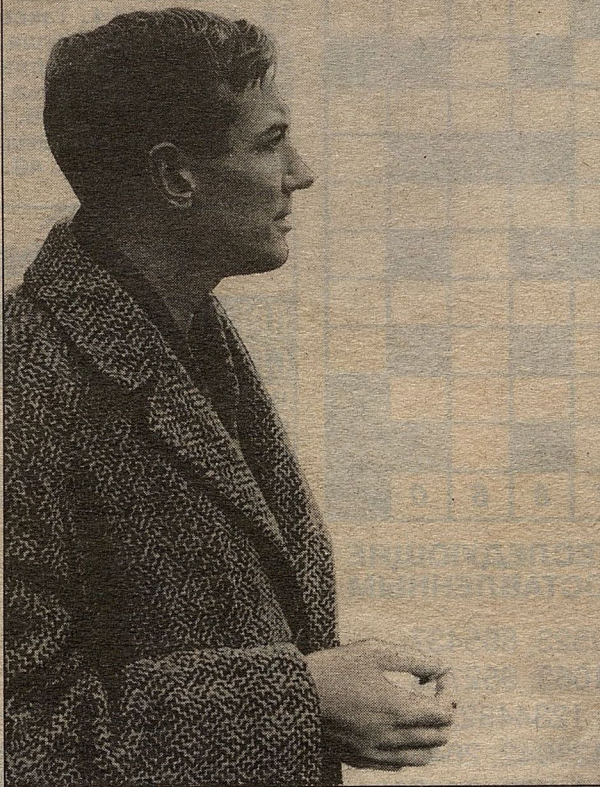
В последнее время чего-то мне не хватает. Тоскую. Стыдно признаться, по кому — по цензуре. Чтобы объяснить эту патологическую ностальгию, расскажу одну невыдуманную историю, рассказанную мне ее героем.

В сталинское время жил-был молодой морячок — Вадим Туманов, один из лучших боксеров Дальнего Востока. Он любил стихи, хотя сам их не писал, и самозабвенно декламировал на борту парохода «Уралмаш» стихи Есенина, которого тогда называли «упадочным поэтом». Вдобавок ко всем своим грехам Есенин покончил жизнь самоубийством, хотя ныне имеет хождение версия об убийстве. По тогдашним меркам это был почти антипатриотический поступок, ибо пессимизм считался буржуазным пережитком. Восхищаясь Есениным, Туманов позволял себе насмешливо отзываться о Маяковском, которого сам товарищ Сталин называл «лучшим, талантливейшим поэтом советской эпохи».

Несовпадение в литературных вкусах с товарищем Сталиным при жизни товарища Сталина было довольно опасным. Кто-то написал на Туманова донос, им занялся следователь водного отдела МГБ Красавин, и в 49-м году двадцатидвухлетний помощник капитана угодил в лагерь по обвинению в антисоветской агитации. Однако жизнь за колючей проволокой оказалась невыносимой для морячко-боксерской вольнолюбивой души, и Туманов бежал вместе с несколькими уголовниками. По пути они ограбили сберкассу. Их схватили, нещадно избили, снова бросили за колючую проволоку, надбавили сроки до 25 лет. После первой попытки Туманов бежал еще несколько раз, но каждый раз его в конце концов ловили с овчарками. С беглецами на Колыме не цацкались. На штрафном прииске «Широкий» их держали в камерах, сваренных из цельных стальных листов, которые летом раскалялись, а зимой обжигали ледяным холодом. В 1952 году, когда убежали трое, двоих убили при поимке и для устрашения не убрали трупы месяца два — они так и валялись среди летней жары в прогулочном дворике, разлагаясь. Ждали третьего, а когда поймали, то убили и его. Подвыпивший офицер Заал Георгиевич Мачабели в растегнутом кителе горделиво стоял на фоне трех трупов. Он велел выгнать других штрафников из их камер для острастки, чтоб не вздумали тоже бегать, и заставил их ползать перед ним на коленях. Туманов отказался. Ему несколько раз врезали прикладом, но он не пополз. Мачабели, конечно, мог пристрелить его, чтоб другим неповадно было, но почему-то не выстрелил — заужал за чувство достоинства, что ли... Из романтического обожателя поэзии Туманов постепенно стал лагерным вожаком, с которым даже начальство вынуждено было считаться.

Когда после очередного побега, весь израненный, избитый, он угодил в штрафной лагерь «Случайный», то встретил своего старого знакомого — капитана Пономарева, не менее крутого, чем Мачабели. Капитан Пономарев и Туманов знали друг друга по лагерю «Челбанья». Капитан Пономарев, по прозвищу «мерзавчик», был небольшого роста, с наполеоновским самомнением. На боку у него всегда висел планшет, полный мастерски очиненных карандашников, которыми он записывал имена и проступки, а медные пуговицы со звездами на сером плаще, надраенные мелом, всегда сияли, как золотые. «Ну, от-

ЕВГ. ЕВТУШЕНКО



сюда ты уже никогда не выберешься. Сгноим...», — торжествуя сказал капитан Пономарев. Но он ошибся. Туманов оказался талантливым золотоискателем, а при сверхплановой добыче золота заключенным засчитывали три года за один. В 1956 году Туманов вышел на свободу со снятием судимостей, и Совмин СССР разрешил ему организовать старательскую артель. Старательское золото стоило раз в пять дешевле государственного, а зарплата золотоискателей за счет производительности труда была раз в пять выше государственной. Туманов стал первым советским легальным «миллионером» — разумеется, в наших скромных масштабах. Его несколько раз

пытались подловить, чтобы опять скомпрометировать, но все финансовые документы у него были чисты, и он выиграл несколько судебных дел подряд, в том числе и против газеты «Советская индустрия». Оказавшись в Тбилиси, Туманов узнал, что Мачабели работает зам. директора Академии художеств. Для «несидевших» это, наверное, трудно объяснимо, но Туманов навестил его, и они целый день провели вместе в ресторане на фуникулере. Туманов не забыл, что Мачабели однажды выручил его, когда тот буквально умирал от загноения раны, и офицер дал сотню из своего кармана на четыре «ларька» (четыре булки, четыре куска маргарина, четыре миски голубичного варенья, которые, может быть, спасли Туманову жизнь). В тбилисском ресторане Мачабели спросил у Туманова: «Ну что, ты, наверно, злой на меня?» Туманов ответил: «Да что считать, не вы бы — так другие».

Как рассказали Туманову, Мачабели недавно умер, а перед смертью совсем ослеп. Именно о прииске «Широкий» Высоцкий написал навеянную рассказами Туманова песню: «И кости наши перемила драга — в них, значит, было золото, братва». А вот другой случай, который я видел собственными глазами. В 1977 году по возвращении в Москву из совместной поездки по Колыме мы с Тумановым пытались проникнуть на ужин в один из самых труднодоступных для советских людей ресторанов «Националь». Массивные, красного дерева, с бронзовыми ручками двери надежно охранялись швейцарами в ливреях с золотыми галунами. Швейцары были похожи на статуи, изваянные из бдительности. Однако и Туманов, и я знали, что вся видимость суровой неподкупности стражей кончается при появлении ассигнации в руке клиента, стучащегося в дверь. Наш легальный советский миллионер помахал швейцару сквозь стекло двери сиреневой четвертной, и тот среагировал, хотя и попытался сохранить неспешливую вальяжность походки. Когда возникла щель в двери, Туманов незамедлительно сунул в щель четвертную, и она исчезла, как в руке факира. Швейцар был небольшого роста, величавостью слегка похожий на Наполеона, медные пуговицы были начищены до золотого блеска, к нам он не испытывал особого интереса, кроме лакейски-выжидательного — не вложат ли эти господа хорошие еще чего-нибудь в его заросшую седой шерстью ладонь. Швейцар открыл дверь, пропуская нас, и вдруг с его лицом что-то случилось — оно поползло одновременно в несколько разных сторон от смешанных чувств — страха и радости, хотя радость все-таки побеждала.

— Туманов? Вадим Иванович? — еле выдавил он.

— Капитан Пономарев? Иван Арсентьевич? — пробормотал Туманов, неверяще улыбаясь, как при неожиданной встрече с закадычным другом, который считался безвозвратно потерянными.

Хотя отставной капитан Пономарев и не вернул от радости неожиданной встречи четвертную, бывший тюремщик и бывший арестант почти по-братски крепко обнялись. Классическая история, напоминающая взаимоотношения каторжника Жана Вальжана и полицейского инспектора Жавера из «Отверженных» Виктора Гюго. Взаимоненависть, перешедшая во взаимопривычку.

Именно такие отношения сложились у многих советских писателей, в том числе и у меня лично, с цензурой.

Когда мы пытались, чтобы слово вырвалось на свободу из-за колючей проволоки партийных догм, идеологические овчарки, натренированные хозяевами, набрасывались на нас, вырывая своими клыками живую плоть. Хозяева хотели, чтобы перед ними ползали на коленях. Однако когда мы отказывались, то иногда и хозяева, и овчарки начинали волевым усилием уважать нас, если, конечно, не успели растерзать до этого.